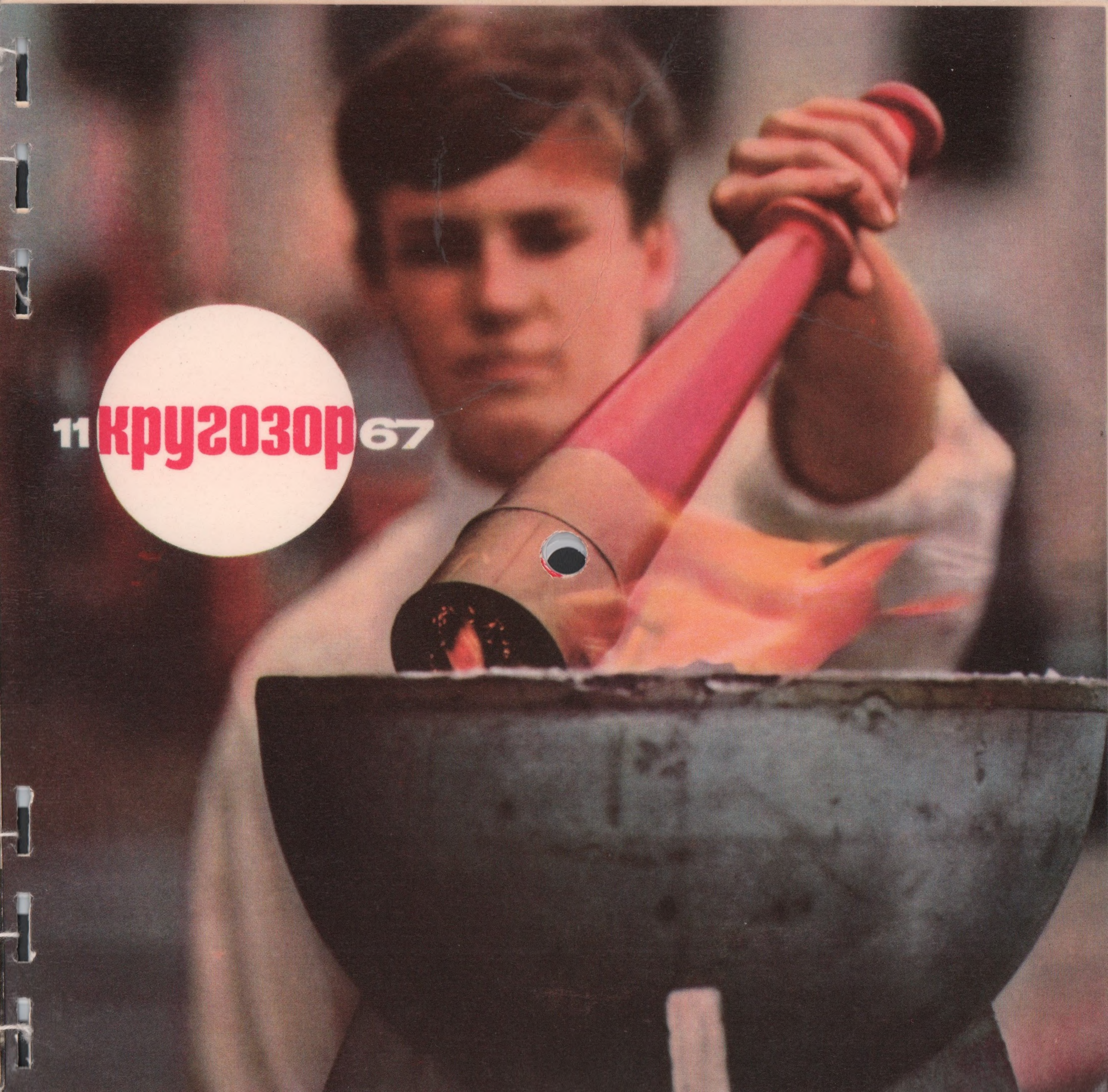
11 кругозор 67

МУЗЫКА И РЕВОЛЮЦИЯ

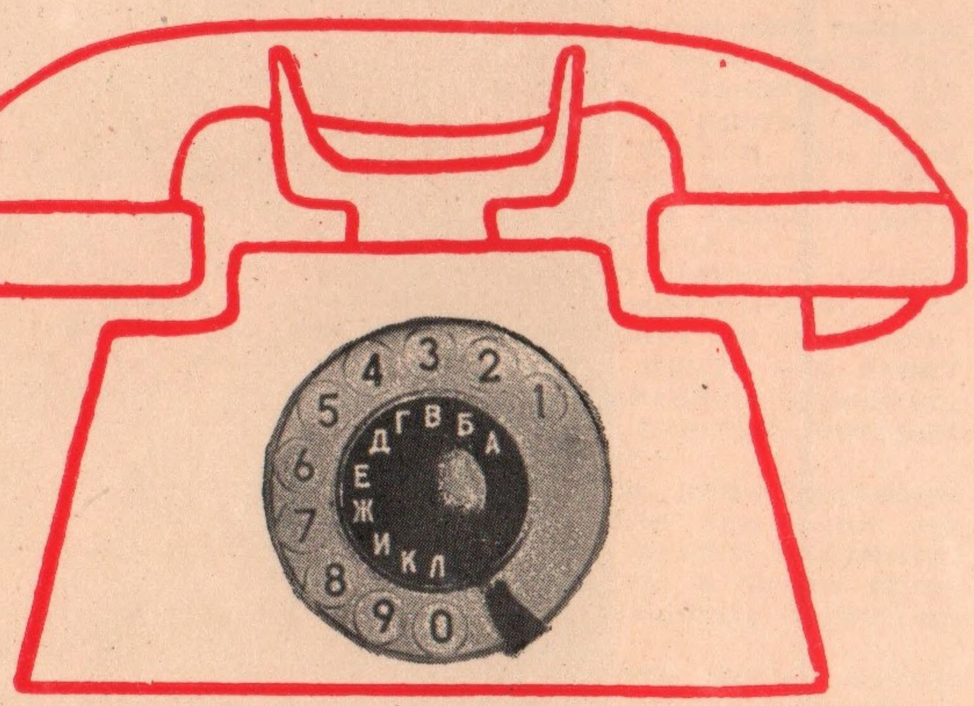
...Социальная жизнь вообще и всегда требует, чтобы ее насыщали музыкой не только в виде вершинных композиций и концертных исполнений, но насыщали бы ею глубоко самый быт, насыщали его песней и песенкой — рабочей песнью, детской песнью, маршем, танцем и т. д. И наш революционный быт, такой приподнятый, требует больше, чем какой бы то ни было другой, этой постоянной насыщенности музыкой... (А. Луначарский).

...Композиторы всего мира пользуются одними и теми же нотными знаками. Музыканты во всем мире играют на одинаковых инструментах. И тем не менее существует такое понятие — советская музыка. Нашу советскую музыку слушают и принимают во всех странах. Значит, те идеи и мысли, которые мы вкладываем в свои произведения, близки слушателю, где бы он ни жил. Я считаю, что мировоззрение художника — главное в его творчестве. Работая над новым произведением, я ставлю перед собой задачу быть прежде всего полезным своему народу, быть нужным своей Родине! Стремлюсь служить ей в полную меру сил, стремлюсь неустанно писать, беспрерывно трудиться... (Д. Шостакович).

...Симфоническая поэма Дмитрия Шостаковича «Октябрь». Название этого произведения вызывает в моей памяти одноименный фильм Сергея Эйзенштейна. Сорок лет назад по предложению М. И. Калинина наша киногруппа создавала картину к десятилетию Октябрьской революции. В те годы немые фильмы сопровождались музыкой компилятивного плана. А нам очень хотелось своего композитора, нам нравилась музыка молодого Шостаковича. Но времени было мало, композитор не смог выполнить эту работу... Только теперь, когда мы подготовили новый вариант «Октября», наше желание осуществилось. По предложению Шостаковича мы использовали его Одиннадцатую и Двенадцатую симфонию, музыку из кинофильмов, фрагменты из балетных сюит и виолончельного концерта. Упругий, четкий, острый ритм музыки, объединенной под девизом «Октябрь», точно совпал с изображением... (Г. Александров).

●

На третьей звуковой странице: фрагмент новой симфонической поэмы Д. Шостаковича «Октябрь» (публикуется впервые). На второй странице обложки: картина К. Полли (Эстония) «Пролетарский художник».

СОВПАДЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

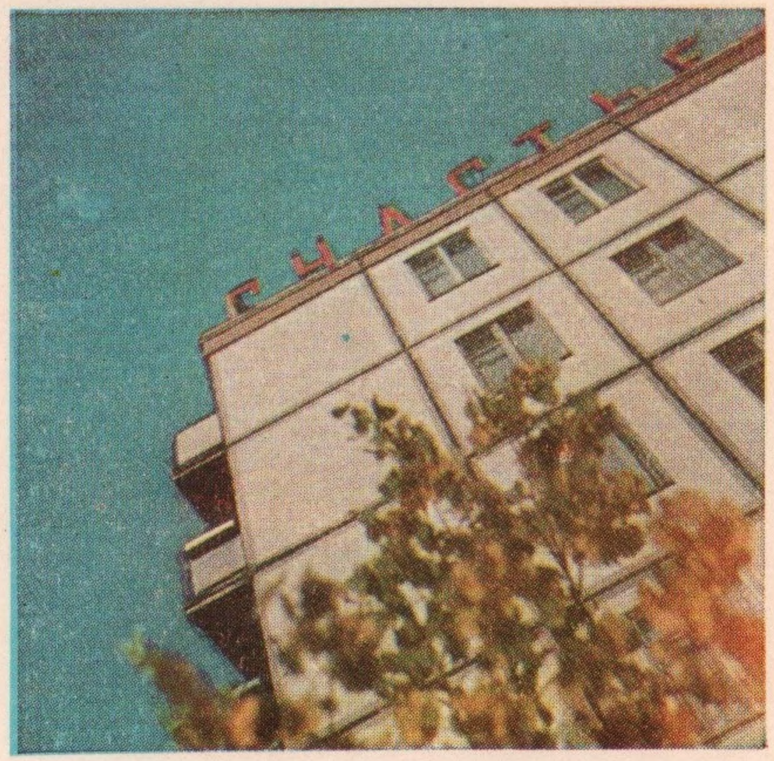
Михаил АНЧАРОВ

Меня познакомили с ответами на вопрос: что такое, по-вашему, счастье и счастливы ли вы сами? Совсем простой вопрос. Из редакции «Кругозора» звонили наугад по телефону, и люди отвечали.

Давайте разберемся. Вы сидите дома, и позади вас ваша биография, а вокруг сегодняшний мир. И трясет этот земной шарик, который становится все меньше из-за немыслимого прогресса, и жить становится все тесней из-за прироста населения, и пустыми местами на земле остаются только редкие уголки, и дом ваш — это маленький островок спокойствия. А иногда это ад, по сравнению с которым любое бездомье — рай. А тут еще болезни, свои, и детей, и всех близких, а тут еще все мы смертны, и об этом не хочется думать, а тут еще на обиды нарываешься или несправедливость, или друг тебя предал, и ты стоишь растерянный, и жить тебе становится скучно совсем — как все это выдержать и не сломаться? И тут вам звонят по телефону и говорят: «Здравствуйте! Скажите, вы счастливы? Это во-первых. А во-вторых, что такое, по-вашему, счастье?»

«Что это, господи? — думаете вы.— Если всерьез,— я вам не обязан отвечать, а если в шутку, то какие тут могут быть шутки, какие тут хиханьки-хаханьки? Затея ваша дурацкая и вопрос ваш дурацкий!»

Знаете, что самое интересное? То, что так ответил только один человек. Он оказался журнали-

Строили его так: три дня — этаж!

Последний листок летнего календаря.

Урок геометрии.

Думала — пойду на пенсию, отдохну!

Папа, мама и я (в коляске).

ДОМ СЧАСТЬЯ

2

Над шеренгой домов по Ельнинской улице распахнут лозунг: МИР, ТРУД, ДРУЖБА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО... ...СЧАСТЬЕ — над домом № 26.

Из домовой книги: В доме № 26 проживают: школьников — 32, рабочих — 81, военных — 14, служащих — 60, детей младше семи лет — 24, студентов — 13, не работает — 1.

Задание редакции: узнать, сколько в этом доме счастливых,— поручено Возчикову В. М., поскольку он живет в соседнем доме и является собственным корреспондентом «Кругозора».

Фото А. Лидова.

стом. Простим его. Это производственная травма. Все остальные, заметьте, все так или иначе пытались ответить на этот вопрос. Некоторые думали, что кто-то разыгрывает их, другие настораживались, и все-таки люди отвечали. Ни один человек не повесил трубку сразу, многие пытались ответить всерьез, а некоторые просили дать время подумать и перезвонить снова.

Что трогало этих людей, что движет сейчас мной, когда я пытаюсь прокомментировать эти интервью? Человек просто не может не поделиться своим мнением о счастье: а вдруг его ответ и есть последняя крупица, последняя буквочка, последняя цифра в той формуле счастья, которая складывается общими усилиями?

Я такой же человек, как и все, кому задавали вопрос, но только мне легче, так как меня не брали врасплох и у меня было время подумать.

Когда-то давно я написал притчу, а потом вставил ее в роман. Мне кажется, уместно будет ее привести.

«Первый сказал: «Счастье — это когда много работы и много любви, и тогда работа толкает к любви, а любовь порождает работу».

Второй сказал: «Чепуха! Счастье — это когда нет ни занятий, ни домашних заданий, ни работы, ни отпусков, ни каникул, а есть только весна, лето, зима, осень, и можно писать их красками, и кистями, и резцом, и пером круглосуточно и без отдыха».

Третий сказал: «Счастье — это когда можно выдумывать и бросать идеи пачками и не заботиться о том, что они не осуществятся».

Четвертый сказал: «Счастье — это когда спасаешь, помогаешь, стоишь насмерть за правое дело, защищаешь и делаешь подарки».

И только пятый молчал. Ибо он боялся признаться, что его счастье — это сожрать все то, что придумают и добудут остальные четверо.

Люди, запомните: если что-нибудь не ладится в вашей жизни, это значит, что рядом с вами или в вас самих завелся пятый».

...Я для себя давно решил, что такое счастье.

Так думал и этак и думал, что счастье — это исполнение желаний, а потом жизнь опровергала это; тогда я начинал думать, что счастье — это не само удовлетворение желаний, а стремление их удовлетворить, так сказать, не сама райская жизнь, а дорога в рай. Но жизнь и это опровергала...

Из всех ответов, с которыми меня познакомили в редакции, мне больше всего понравился ответ женщины, которая назвала свою фамилию. Остальных не спрашивали, а эта женщина сказала: «Да, я счастлива, у меня дочка пошла учиться, и у меня хороший муж.— А потом добавила:— Наша фамилия Козловы». Трудно даже объяснить, что на меня так подействовало в этом ответе. Скорей всего дружелюбие, с которым он был дан.

Послушайте, ведь мы ничего почти не знаем об этой семье, но мы знаем главное о том, почему они счастливы. Если эта женщина говорит, что у нее хороший муж, значит, муж действительно хороший. А так как это говорит его жена, то совершенно ясно, что она хорошая жена. А если они счастливы, что дочь пошла учиться, значит, и дочь у них тоже ничего, хорошая дочь, из-за плохой дочери счастливой не будешь.

Что значит, когда три человека, семья, все считают друг друга хорошими людьми? Это может означать только одно: их желания совпадают. Сейчас поясню. Люди с жизненным опытом знают, что любовь — это не тогда, когда двое смотрят друг на друга, а тогда, когда двое смотрят в одну сторону.

А если у многих людей совпадают желания? А если у всех? Не знаю, как вам, а мне такая картина нравится. Совпадение главных желаний в масштабе нашего общества! И это вовсе не означает, что все желания у всех одинаковые. Вот и у Козловых наверняка самые разные желания, иначе и быть не может. Но у них, видимо, совпадают какие-то главные желания, настолько главные, что женщина, мать и жена, могла сказать: «Я счастлива».

Ну, вот теперь и я могу сказать, что такое счастье. По-моему, это совпадение желаний.

Сто одно интервью из миллиона возможных... Звуковую страницу подготовил Н. Нейч.

ОРФЕЙ ЖДЕТ...

Миф об Орфее утверждает: легендарный певец был фракийцем. Говоря языком нашего века, болгарином, а сопутствующие легенде апокрифы вносят уточнения: жил там, где Старая Планина и Фракия спускаются к Черному морю. Отсюда становится ясным, что возникшая классическая схема: курорт Солнечный берег — Международный фестиваль эстрадной песни «Золотой Орфей» — имеет под собой историческое, точнее, мифологическое, обоснование.

В этом году соревновались авторы болгарских эстрадных песен, болгарские исполнители и зарубежные певцы. Внутри песенного конкурса наметились известные градации: песня-баллада, песни-боевики, танцевальные и лирические песни. Можно предположить, что Орфей понимал толк в балладе, и, видимо, звон его кифары повлиял на решение жюри: в конечном счете баллада заняла центральное место. Наиболее острая борьба разгорелась в конкурсе зарубежных исполнителей. К финалу вышло семь певцов. Шесть девушек и советский певец Виктор Вуячич. Интересно, что спетая им «Память сердца» И. Лученка — тоже произведение балладного плана.

Результат конкурса зарубежных исполнителей: первая премия присуждена А. Золя (Швейцария), вторую премию разделили бельгийка Тония и Виктор Вуячич (его вы видите на снимке), третью — Л. Петрович из Югославии, чешка Е. Блехерова и польская певица К. Бовери.

Хороших певцов было много. Но особый приз — статуэтка «Золотой Орфей» — на этот раз так и не был завоеван. По мнению жюри, легендарный певец не нашел среди своих потомков достойного преемника. Орфей ждет...

Евгений ЖАРКОВСКИЙ,
член жюри конкурса.

София.

Слушайте четвертую звуковую страницу журнала.

Рояль в рюкзаке

Век гитар и магнитофонов, век туристов, творящих песни под дымок костра, как будто оттеснил от нас профессиональную песню, которую сочиняют на добром старом рояле чудаки-композиторы кладут на ноты да еще, глядишь и оркеструют.

Да, рояль не положишь в походный рюкзак, струнный оркестр не усадишь в тамбуре вагона. И зачем? Ясно, как синее небо, что каждый из нас может сочинить песню. И каждый второй ее уже напевает.

И все же прочность песни не измеришь энтузиазмом воскресной электрички, твердой убежденностью в том, что Бетховен и Бах понимали в песне куда меньше, чем сосед Петя, выдающий их дюжинами.

Песни, которые предлагает сегодня своим слушателям журнал, написаны давно. Написаны для кинофильмов. Они не попали в магнитофонные записи, потому что родились раньше, чем магнитофоны. Но их знают все: и звонкие менестрели и застенчивые молчальники. И поют повсюду.

А ведь и эти и многие другие кинопесни композиторы писали, если так можно выразиться, «к случаю». К определенной ситуации картины. Их пели, чтобы ветром расправить паруса корабля, уходящего на поиски капитана Гранта, чтобы проститься со своей детской куклой, убегая тайком из дому на войну, чтобы просто попросить любимого: «Не улетай, родной, не улетай».

Но родной улетал, потому что были обязанности, был долг, были трассы страны, времени. И улетали песни из фильмов, из четких предлагаемых обстоятельств, наполнялись в пути новым содержанием. Становились не просто популярными. Всенародными.

И оказывался добрый старый рояль в рюкзаке и солдатском вещмешке, на трассе дальнего перелета и у одинокого костра в тайге...

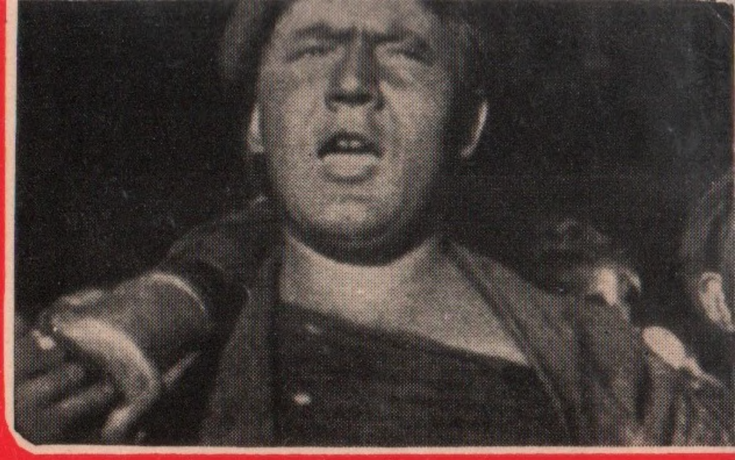
Песня Никиты Богословского на слова Василия Лебедева-Кумача «Я на подвиг тебя провожала». Как далеко умчалась она из своего киносюжета, из милой и наивной картины «Остров сокровищ»! Теперь уже не придуманная девушка Дженни поет ее доктору Лайвеси. И не «морские волки» да пираты Флинта слушают ее. «Гроза над страною», «голос верной подруги», «трудное дело», на которое звала она «спокойно и смело» идти,— эти слова, образы, гордый дух песни, написанной в 38-м году, не раз наполнялись новым содержанием, помогали верить, жить, побеждать.

Да, песни должны улетать из картин, расставаться с киногероями и приходить к людям. Этой крылатостью словно трепещет само выражение «песенка из кинофильма». Не «к», не «для», а именно «из» — в дорогу, в жизнь, тебе навстречу. Хорошие песни летят по земле. Но, как люди, они должны возвращаться в любимый город — в свою картину. Потому что, где бы ни пели «Тучи над городом», без них не обойтись «Человеку с ружьем». Не обойтись без «Курганов» «Большой жизни». И без «Темной ночи» нет «Двух бойцов».

Вот и мне посчастливилось однажды увидеть, как возвращается в картину песенка. Было это на Северном полюсе. На дрейфующей станции СП-15. Висела над льдиной полярная ночь с хорошим морозным полярным сиянием. И кружилась над океаном, над льдиной, вокруг лагеря негромкая и такая знакомая песенка про шар голубой.

В кают-компании стрекотал аппарат, сидели плечом к плечу зимовщики. Так и вернулся «Шар голубой» к своему первому исполнителю — Максиму.

А. ВАСИЛЬЕВ

Кадры из фильмов: «Большая жизнь», «Остров сокровищ», «Два бойца».

АВТОДРОМ—ЗЕМЛЯ МУЖЕСТВА

Ежедневно, трижды в сутки сменяя друг друга, отмахивают шоферы-испытатели по пятьсот километров, кружа по кольцевой, специально построенной трассе. Они свыклись с профессией и даже не замечают подчас, как опасен этот их труд.

На автодроме собираются сильные люди и сильные машины. Им надо доказать друг другу, что они достойные соперники.

Три класса образования и бесшабашная голова — еще не испытатель. Даже если ты двадцать лет «крутил баранку». Новая техника требует новых людей. Им доверена вся продукция автомобильных заводов страны. Здесь укрощают неумолимой логикой, железной выдержкой, даже лаской, подбирают ГОСТы под суровые характеры машин.

Испытатели могут позволить себе то, что для остальных шоферов «табу»: сознательный износ машины. Они не устраивают аварий нарочно, но у них они могут случаться чаще. Им это известно.

дром — смоделированный рельеф страны. С просеками, «бетонкой», «гладильной доской», с бездорожьем.

Уже изысканы средства автоматизации по управлению испытаниями. Но пока ни одно устройство еще не заменило человека. С его страстью, эмоциями, правом на риск. Тем более что позже в кабине автомобиля все равно должен будет сидеть человек. Собрат и коллега испытателей, которому они сегодня, может, сейчас делают безопасной встречу с серийной моделью.

Испытатели первыми прокладывают дорогу. Им можно позавидовать.

Но лучше пожелать удачи.

Дмитров,
Московская обл.

Спаси водитель машину с грузом в обычных условиях — напишут об этом в газету. Даже представят к медали. У них, испытателей, так и должно быть. Их «доспехи» — рабочий костюм да привязные ремни. Катапульт не существует. Работа в одиночку. Здесь единоборствуют хладнокровие, выдержка, умение и непредвиденные обстоятельства.

Автодром расположен под Дмитровом. Но каждый из испытателей может считать, что буксовал в топях Белоруссии, в песках Кара-Кумов, пробирался таежными просеками, месил грязь на Донетчине, брал с ходу речушки Севера. Ибо авто-

В. ТАМАРИН

Фото
Л. Лазарева.

Расул РЗА

6

гнезда

Есть гнезда разные —
есть птичьи, есть людские,
звериные пещеры
и квартиры,
хибарки тесные,
дома большие,
где на полу ковры,
а есть такие,
где пол-окна закрыл
кусок фанеры
и где полы пустые,
земляные...

И даже так
во времена иные
бывает, что окоп,
где две ноги
вмещаются с трудом,
под вражеским огнем
для человека
становится гнездом...
И в дорогих квартирах тех
бывает
несчастным человек,
и может быть
счастливым он в окопе,
где он с таким трудом
поставил ноги...
Лишь надо устоять
и победить
соблазны радости
и тяжести тревоги.

мне хочется петь

В это утро в окно мое
постучала весна
тихо-тихо, веткою клена,
точно возлюбленная, что пришла
на свиданье в косынке зеленой
Солнце еще не встало
над голубым простором,
не устают глаза мои
любоваться,
грудь — дышать,
уши — прислушиваться
к утренним шорохам...
Я опьянел от запаха трав,
мне хочется петь песню,
подобную смеху ребенка...
Интересно, цветок
без песни живет?
Летает птица в поднебесье?
Наверно, каждый зреющий плод
имеет свою песню,
только ее поет оса
или пчела, собирая мед...
Наверно, у вечера и утра
тоже есть своя песня —
солнце из зорь ее ткет...
А есть песня у мрака?
У пресыщения?
Есть песня у голода?

Я знаю, есть песнь изобилия,
есть песня у жажды,
есть песня у ненависти...
Что же такое песня —
сочетание музыки и текста?
Или это восторг
переполненного до края сердца?
Мне хочется петь,
видя цветы и листву,
видя весенние дали,
видя на ветках завязь плода,
видя людей,
их радости и печали...

портрет

Дайте мне выставочный зал,
чтоб был он не велик, не мал,
чтоб виден был со всех
концов —
из далей прожитых веков,

из далей будущего века,
и я повешу в нем портрет,
портрет огромный человека.
Тут будет Насими, поэт,
с которого содрали кожу,
и наш Мамед Гасан киши,
чьи дни в пыли дорог
прохожих,
тут будут рядом
свет и тьма,
и страшный пепел Освенцима,
заснеженная Колыма,
поверженная Хиросима,
и пепел миллионов урн,
года, что с ветром пролетели,
Гастелло будет, и Гафур,
большое племя Прометеев.
Да, я украшу этот зал
одним портретом человека,
на чьих губах
ожоги слов, в руках —
оливковая ветка,
в чьем взгляде след
прошедших лет,
разлуки, выдержки, терпенья,
обломки рухнувших надежд
и мысли одухотворенье.
А ниже подпись:
«Человек свершает путь свой».
Автор: время.

Перевод с азербайджанского
М. Павловой.

Рисунки В. Сухомлинова.

Л. АЗАРХ,
А. ЛАРИОНОВ

7

Мы кузнецы

Кузнец — профессия одна из древнейших, нужная, как труд пахаря. И для ратного дела и для дела оратая из века в век раздували кузнецы меха, калили докрасна металл и потом по раскаленной мякоти стучали молотами. Крепок и надежен всегда был их труд. И оборачивался он для людей стальным лемехом плуга, или валом машины, или корабельным форштевнем, режущим волны и туман. И хотя теперь времена другие и механический пресс вытеснил певучую наковальню, прежним осталось уважение к кузнецам.

Их двое в одной кузне. Кирилл Васильевич Васильев и Петр Андреевич Ефимов. Каждому по семьдесят пять. Оба бородатые. У одного седая, у другого черная, в рыжину отдает. У Кирилла Васильевича борода ухоженная, чесаная, у Петра Андреевича — гребня не знает, всклокоченная. Кирилл Васильевич тенорком говорит — спокойным, ровным, приятным. Петр Андреевич басистый, в словах скорый. Живут они мирно, относятся друг к другу уважительно.

Кузнецы дело свое знают с детства, фамильно. Кирилл Васильевич еще до империалистической вместе с отцом правил крестьянские сохи. Петр Андреевич, если считать по-настоящему, в ремесло кузнечное пришел в 1917-м на Путиловском. А позже это мастерство сгодилось. В 1918-м отливал он для революционного бронепоезда пушки; на этом же бронепоезде служил в гражданскую артиллеристом.

Встретились старики недавно, лет десять назад, когда оба уже вышли на пенсию. Как-то пришли к ним из Псковских реставрационных мастерских: так, мол, и так, кузнецы у нас есть, но нужны такие, чтобы по старинке, ласково могли с металлом обходиться. Просили, если силы, конечно, есть, поработать — сковать петушков на псковские башни и всякую древнюю разность, да так, чтобы и неотличимо было. Вот с тех пор и стучат молотками кузнецы Петр и Кирилл. А заказы идут к ним из всех русских кремлей: из Московского, Новгородского, Астраханского, Горьковского, Псковского; и даже к ленинградскому чуду, к кованым решеткам набережных, и тут они свои руки приложили.

Работают тихо, силу сохраняют. Отрубят. Ежели коротко — потянут. Потом опять отрубят. Притомятся — присядут. Узелки развяжут, яйца вареные разломят, солью засыпят, аппетитно поедят.

П. Оссовский. «Псковские кузнецы Петр и Кирилл».

Кузнецы часто принимают гостей — журналистов, писателей, художников и фотокорреспондентов.

Москвич Петр Оссовский нарисовал с них картину. Снимки сделал Виктор Ахломов. Получилось, будто разные люди, а приглядишься — узнаешь каждого.

Весь город их знает, каждый встречный с ними раскланивается... Шутка ли сказать, в такие годы молотком да кувалдой размахивать — силища-то какая! И опять же не всякому это дано. Вот и нам захотелось рассказать о мастерах. Чтоб вы услышали их нехитрую речь да звон молотков и наковальни.

А мораль у этого рассказа простая. По 75 лет старикам. Время думать о том, что будет дальше, после них. Не переведутся ли умельцы, охотники до премудростей, до тонкой рукодельной работы. «Не за то ведь мы в гору-то идем, чтобы отмерло это дело». И верно. Левша блоху подковал, Данила-мастер каменный цветок вырубил, братья Моторины отлили Царь-колокол, Барма и Постник поставили храм Василия Блаженного. И в наше время есть мастера высокие, звонкие...

Псков.

ФЛУЕРАШ

Когда молдаванин хочет услышать настоящую молдавскую мелодию, он идет на концерт «Флуераша». И если достает билет, то считает, что ему повезло. Потому что «Флуераш» — это не только лучшие танцоры, скрипки, певцы Молдавии, а и праздник.

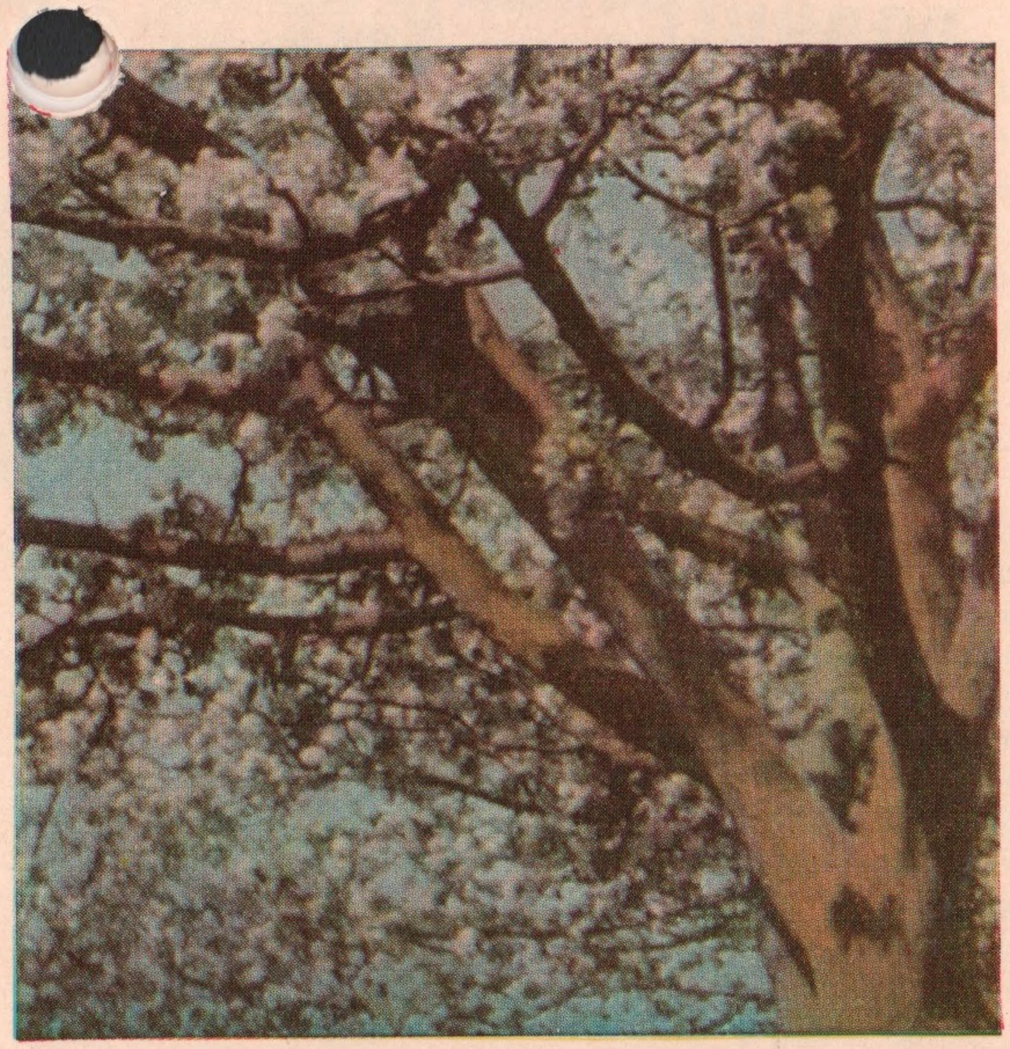
По-молдавски «флуераш» — это «свирелька». Именно свирелька, и отсюда главная интонация ансамбля — подвижная, легкая. Впрочем, где вы видели молдаванина, который был бы медлительным? Так и «Флуераш». Здесь даже поют, танцуя, притопывая, кружась. Что поют? Что танцуют? Артисты ансамбля отыскали, возродили неунывающие, как свирелька, мелодии и танцы солнечной Молдовы. (Пятая звуковая страница.)

Тамара ЧЕБАН,
народная артистка СССР.

БЕЗ РОДИНЫ

Письмо из Батуми

И. БАБЕЛЬ

В 1922 году двадцатишестилетний И. Бабель работал репортером в газете «Заря Востока». Много лет спустя, уже будучи знаменитым, он писал об этом периоде: «С первыми номерами «Зари Востока» связана счастливая пора моей жизни в Тифлисе и начало литературной работы...» Материалы И. Бабеля шли в газете под псевдонимом К. Лютов. Так же подписано и «Письмо из Батуми», которое мы публикуем.

...И вышло так, что мы поймали вора. Шиворот у вора оказался просторный. В нем поместились два товаро-пассажирских парохода. Чванный флаг захватчиков уныло сполз книзу, и на вершину мачты взлетел другой флаг, окрашенный кровью борьбы и пурпуром победы. Поговорили речи и на радостях постреляли из пушек. Кое-кто скрежетал зубами в это время. Пусть его скрежещет...

Теперь дальше. Жили-были на Черном море три нефтеналивных парохода: «Луч», «Свет» и «Блеск». «Свет» помер естественной смертью, а «Луч» и «Блеск» попали все в тот же накрахмаленный шиворот. И вышло так, что мы из него дня три тому назад вытряхнули «Луча», то бишь «Лэди Элеонору» — солидное судно с тремя мачтами, вмещающее в себя сто тысяч пудов нефти, блистающее хрусталем своих кают, чернотой своих могучих бортов, красными жилами своих нефтепроводов и начищенным серебром своих цилиндров. Очень полезная «Лэди». Нужно полагать, что она сумеет напоить советской нефтью потухшие топки советских побережий.

«Лэди» стоит уже у пристани Черномортрана, на том самом месте, куда был подведен раньше и «Шаумян». На ее плоской палубе расхаживают еще какие-то джентльмены в лиловых подтяжках и лаковых туфлях. Их сухие и бритые лица сведены гримасой усталости и недовольства. Из кают выносят им несессеры и клетки с канарейками. Джентльмены хриплыми голосами переругиваются между собой и слушают автомобильные гудки, несущиеся из дождя и тумана...

Бледный пламень алых роз... Серый шелк точеных ножек... Щебетанье заморской речи... Макинтоши рослых мужчин и стальные палочки их разглаженных брюк... Пронзительный и бодрый крик моторов...

Канарейки, несессеры и джентльмены упаковываются в автомобили и исчезают. А остается дождь, неумолимый батумский дождь, ропщущий на поверхности почерневших вод, застилающий свинцовую опухоль неба, роющийся под пристанью, как миллионы злых и упрямых мышей. И остается съежившаяся кучка людей у угольных ям «Лэди Элеоноры». Немой и сумрачный сугроб из поникших синих блуз, погасших папирос, заскорузлых пальцев и безрадостного молчания. Это те, до которых никому нет дела...

Российский консул в Батуми сказал бывшей команде отобранных нами пароходов:

— Вы называете себя русскими, но я вас не знаю. Где были вы тогда, когда Россия изнемогала от невыносимых тягостей неравной борьбы? Вы хотите остаться на прежних местах, но разве не вы разводили пары, поднимали якоря и вывешивали сигнальные огни в те грозные часы, когда враги и наемники лишали обнищавшие советские порты их последнего достояния? Быть гражданином рабочей страны — эту честь надо заслужить. Вы не заслужили ее.

И вот они сидят у угольных ям «Лэди Элеоноры», запертые в клетку из дождя и одиночества, эти люди без родины.

— Чудно,— говорит мне старый кочегар,— кто мы? Мы русские, но не граждане. Нас не принимают здесь и выбрасывают там. Русский меня не узнает, а англичанин — тот меня никогда не знал. Куда податься и с чего начать? В Нью-Йорке четыре тысячи пароходов без дела, а в Марсели — триста. Меня просят миром — уезжай, откуда приехал. А я тридцать лет тому назад из Рязанской губернии приехал.

— Не надо было убегать,— говорю я.— Бессмысленный ты кочегар, от кого бежал?

— Знаю,— отвечает мне старик,— теперь все знаю...

А вечером они, как грустное стадо, шли со своими котомками в гавань, чтобы погрузиться на иностранный пароход, отходивший в Константинополь. У сходен их толкали и отбрасывали баулы раздушенных дам и серых макинтошей. Багровый капитан с золотым шитьем на шапке кричал им с мостика:

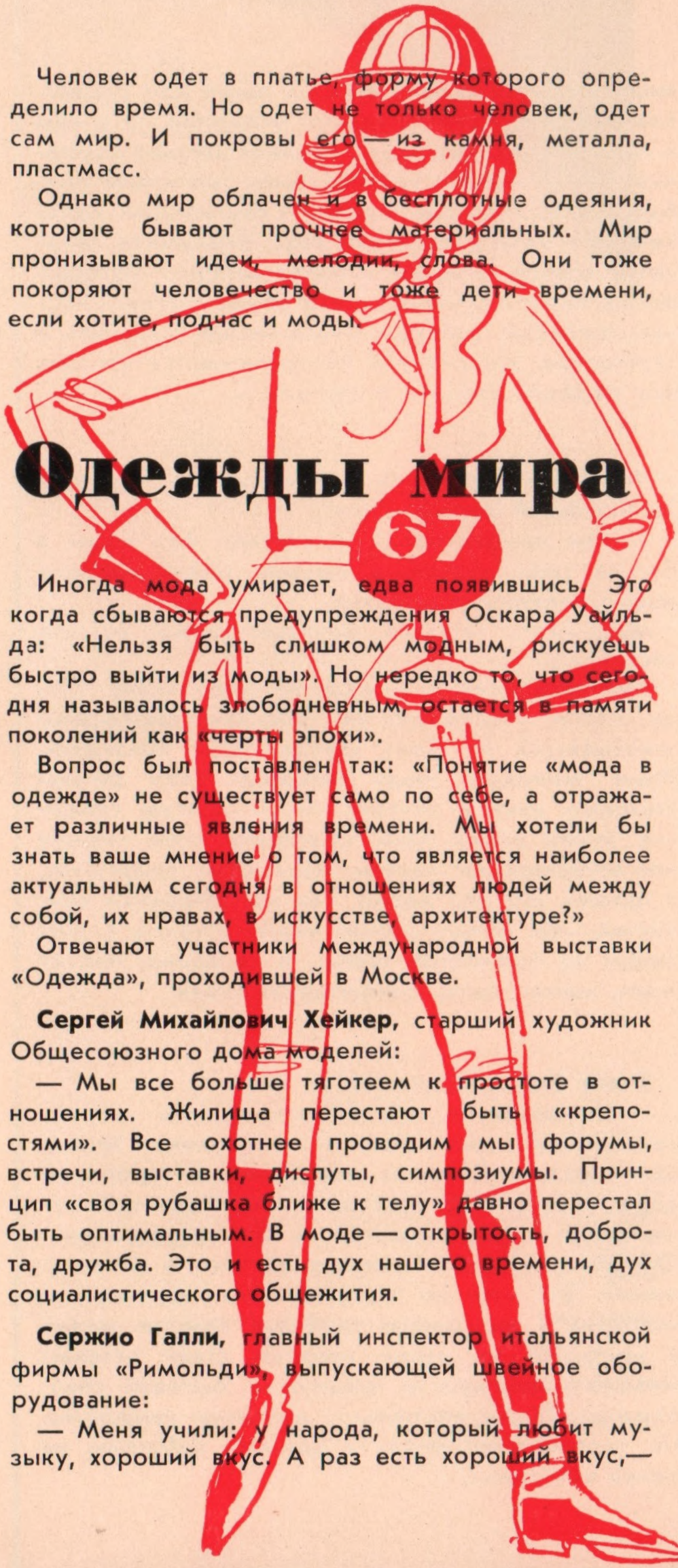
— Прочь, канальи... Хватит с меня бесплатной рвани... Посторониться. Пусть пройдет публика...

Потом их свалили на кучу канатов на корме. Потом канаты понадобились, и их прогнали в другой конец парохода. Они болтались по палубе, оглушенные, боязливые, бесшумные, со своими перепачканными блузами и сиротливыми узелками. А когда пароход дал отходной гудок и дамы на борту стали кидать провожающим цветы, тогда старик кочегар, приблизившись к решетке, прокричал мне с отчаянием:

— Будь мы какие ни на есть подданные, не стал бы он над нами так куражиться, лысый пес.

1922 г.

Рисунок А. Брусиловского.

Человек одет в платье, форму которого определило время. Но одет не только человек, одет сам мир. И покровы его — из камня, металла, пластмасс.

Однако мир облачен и в бесплотные одеяния, которые бывают прочнее материальных. Мир пронизывают идеи, мелодии, слова. Они тоже покоряют человечество и тоже дети времени, если хотите, подчас и моды.

Одежды мира

67

Иногда мода умирает, едва появившись. Это когда сбываются предупреждения Оскара Уайльда: «Нельзя быть слишком модным, рискуешь быстро выйти из моды». Но нередко то, что сегодня называлось злободневным, остается в памяти поколений как «черты эпохи».

Вопрос был поставлен так: «Понятие «мода в одежде» не существует само по себе, а отражает различные явления времени. Мы хотели бы знать ваше мнение о том, что является наиболее актуальным сегодня в отношениях людей между собой, их нравах, в искусстве, архитектуре?»

Отвечают участники международной выставки «Одежда», проходившей в Москве.

Сергей Михайлович Хейкер, старший художник Общесоюзного дома моделей:

— Мы все больше тяготеем к простоте в отношениях. Жилища перестают быть «крепостями». Все охотнее проводим мы форумы, встречи, выставки, диспуты, симпозиумы. Принцип «своя рубашка ближе к телу» давно перестал быть оптимальным. В моде — открытость, доброта, дружба. Это и есть дух нашего времени, дух социалистического общежития.

Сержио Галли, главный инспектор итальянской фирмы «Римольди», выпускающей швейное оборудование:

— Меня учили: у народа, который любит музыку, хороший вкус. А раз есть хороший вкус,—

мода в одежде имеет добрую почву для существования. Что касается самого искусства, то в нем и сегодня и всегда будет модным честное служение музам. Почему пустуют залы, где нашли прибежище абстрактные полотна и скульптуры? Человеческой натуре противен хаос, бездумное сочетание цветов и линий. Отсюда интерес, который проявляется к произведениям седой старины, иконам, фрескам, соборам, классической живописи и скульптуре. Именно они воспринимаются сегодня как образцы красоты и гармонии.

Жан-Пьер Венажель, директор по экспорту французской фирмы «Витос»:

— Как профессионал, я считаю: без моды я бы не смог выпускать каждые шесть месяцев новую коллекцию моделей.

Мода — это поршень, который движет то, что застоялось.

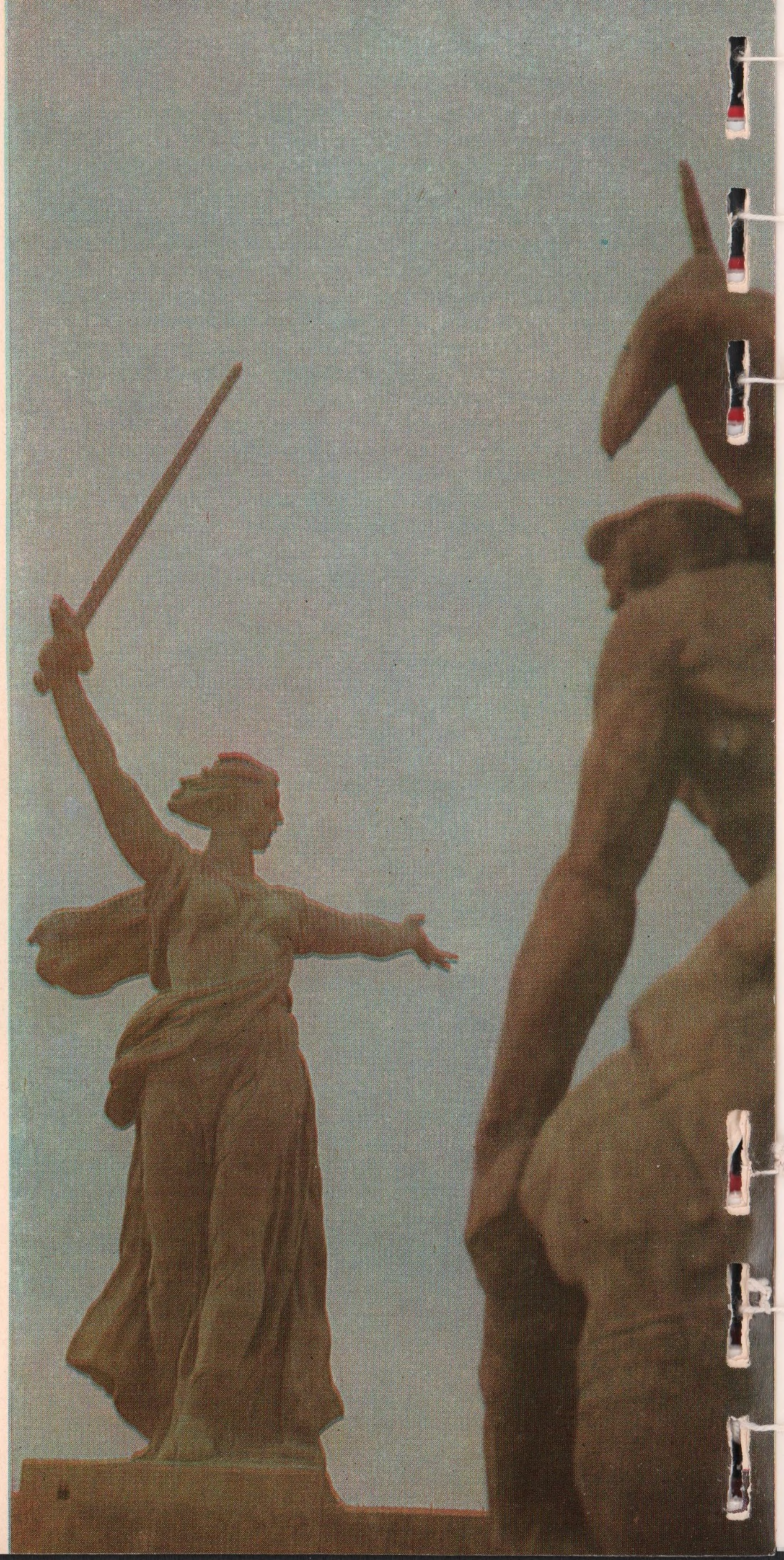
Как гражданин, я смотрю на моду иначе. Люди, слепо следующие ей, зачастую вынуждены отказываться от своих вкусов, даже призваний. Иные молодые люди называют себя детьми атомного века и считают своим долгом служение этому атому. Они посвящают себя точным или естественным наукам. Идут не по призванию, а потому что это модно. Так мы лишаемся личностей, ибо только случай может открыть в этих людях их подлинный талант. В то время, как их ждет, может быть, гуманитарная стезя...

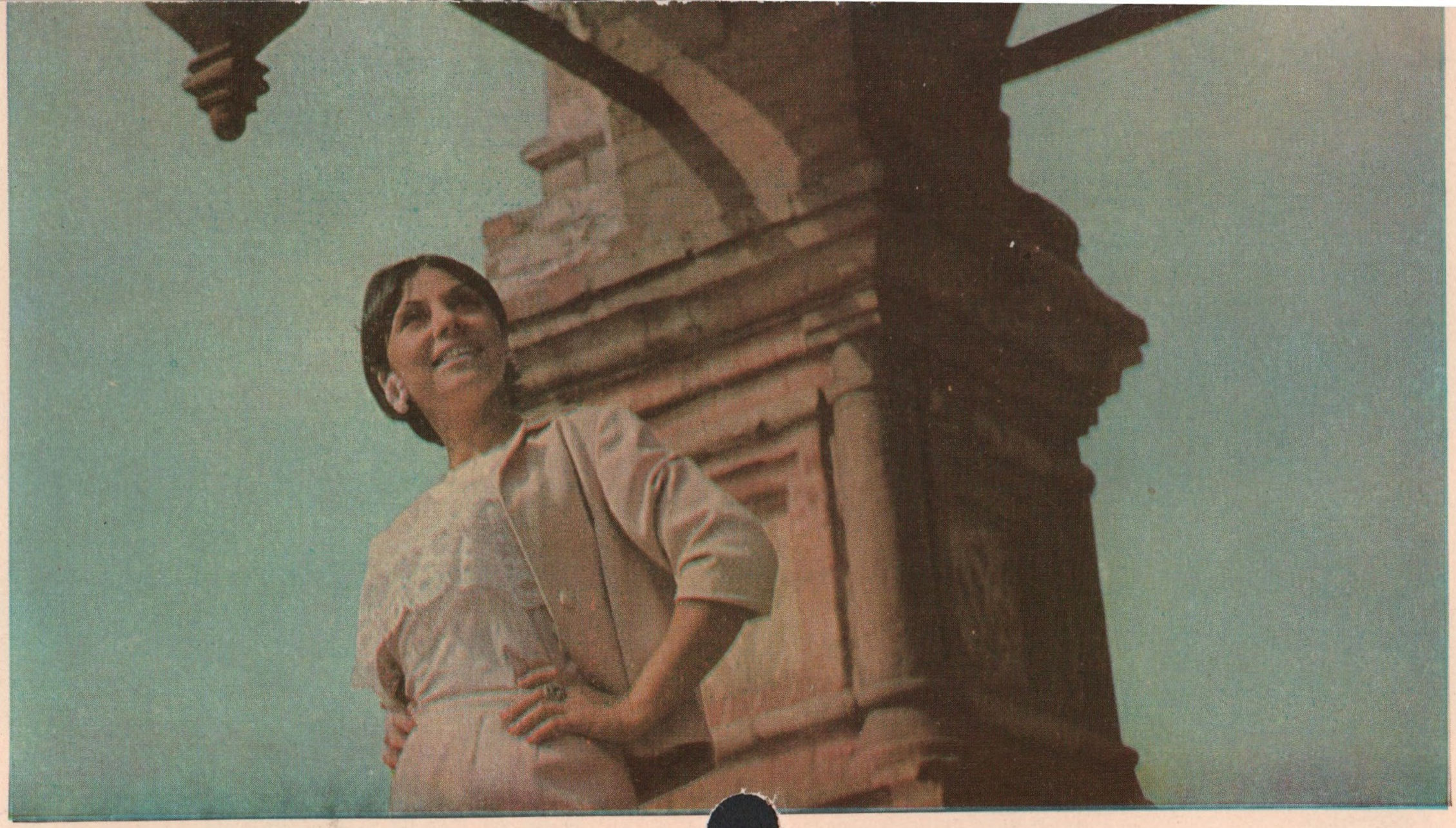
Осава Иосио, художник из Токио:

— Не правы те, кто утверждает, что человек сегодняшнего дня задыхается в каменных громадах городов. Символы современных городов — дома, окруженные пространством. Люди поборолись страх перед высотой и землетрясениями. Они хотят общаться с природой, жить в ее окружении. Это уже не мода, а вечное стремление человека к ощущению свободы. Многое модно в мире. Те же каски, которые стали деталью женского костюма и элементом бытовой спецодежды. Те же костюмы с деталями униформы. Но человечество живет и другими заботами, не менее важными...

Скульптор Е. В. Вучетич.

Монумент на Мамаевом кургане.

КОММЕНТАРИЙ К СОПОТУ

Короток, слишком короток был мой визит в Сопот. Это вынуждает меня и к краткости заметок.

Если мы обратимся к современному эстрадному вокальному исполнению, то заметим, что музыкальная ткань отличается повышенной громкостью, превалированием аккомпанемента. Исполнитель вынужден форсировать звук. Но ведь в человеческом голосе масса разнообразнейших красок. Можно петь открытым звуком, закрытым, подарить залу грудные ноты, низкие, а потом улететь наверх — это азбучные, казалось бы, истины. Но, как ни странно, на фестивале немногие певцы владели широкой палитрой. Среди них отличная польская певица Иоанна Равик.

Мне понравилась Гюлли Чохели. Справедливо, что она получила первую премию за исполнение польской песни «СОС». Она не только ее спела — сыграла, как драматическая актриса. Чохели прекрасно владеет микрофоном, что в наше время просто необходимо для любого эстрадного певца. Ибо сегодня его голос, можно сказать, опутан проводами: он слит с микрофонами, трансформируется в усилителях, оснащен прочими техническими аксессуарами. Еще о пении, исполнении песни артистами, которых, подобно Чохели, я в похвалу назвала бы драматическими. Когда такая актриса или актер начинают петь, они выделяют слово. Для них слово — драгоценность. Мне это кажется очень и очень важным.

Сопот — один из значительнейших песенных конкурсов. На нем можно с большим или меньшим приближением разглядеть облик сегодняшней песни. Каков же он? Мне кажется, что на нем отразились бури, тревоги, отчасти даже некоторый пессимизм, которым затронут эстрадный артистический мир. Как это ни странно, только ирландский певец Дикки Рок отдал аудитории юмористическую песенку и привел нас в веселое расположение духа. Ему была устроена овация. Мы хотели этой радости.

Однажды меня спросили: «Как вы думаете, песни, которые вы пели когда-то в кино, а затем на эстраде,— оптимистические песни Дунаевского и его эпохи,— песни этого плана (разумеется, и качества) были бы приняты сейчас, в сегодняшних эстрадных театрах?»

Мой ответ таков. Думается, что люди ждут от эстрады, от песни и песенки духовной помощи. Они хотят, чтобы песня придала им силы, утешила или развеселила их, подарила им хорошее настроение. И потому у наших советских классических старых и вечно молодых мелодий есть своя аудитория.

Вот какие мысли появились у меня после трехдневного визита в Сопот.

Любовь ОРЛОВА,
народная артистка СССР.

На снимке Алексея Лидова: Гюлли Чохели.

Раневская так смешна во многих своих ролях, так заразителен ее артистический талант, что, наслаждаясь искренне, забыв обо всем, кроме этой блестящей игры, можно порой «просмеяться» и упустить главное.

А главное в том, что кроется за этим неистощимым каскадом юмора, великолепием жизненных наблюдений. Главное там, где не прекращается смех, но вступает серьезное.

На сцене, в кинематографе Ф. Г. Раневская переиграла множество ролей. Они далеко не равнозначны, и никто этого не чувствует, не понимает острее самой актрисы. Она использует каждый случай для того, чтобы пробить тесный потолок роли, чтобы максимально приблизиться к главному для себя разговору. И если такой разговор возможен, Раневская выходит на него.. с энергией шаровой молнии.

Разговор о человеке, о жизни всерьез. Вот добро и зло.

Мачеха в киносказке «Золушка», старая сводня в радиопостановке «Воительница» (по Лескову), злобный, опасный враг в спектакле «Шторм». Здесь и острый гротеск, и бытовая точность, и социальная насыщенность рисунка. Совсем иные, мягкие юмористические тона в таких ролях, как Лёля из «Подкидыша», Маргарита Львовна из «Весны» — ведь это милые, хорошие, пусть в чем-то и смешные люди. Есть на палитре актрисы и иные, драматические краски.

Другой бы и ограничился констатацией: глядите — это хорошо, а это плохо. Разве не достаточно для искусства назвать по имени добро и зло? Но Раневская стремится объяснять — для того, чтобы человек, ее герой, выиграл в этом вечном поединке.

В кинокартине «Мечта» противоположные силы соединены в одном образе Розы Скороход, владелицы меблированных комнат. Притеснительница и жертва, любящая мать и мать-палач, вчерашняя прачка, способная порой к состраданию, и сегодняшняя хозяйка, хищно оберегающая чужое страдание,— вот трагикомичная героиня

Андрей ЗОРКИЙ

ВСЕ ЭТО

Раневской. Зло пересиливает в ней добро, но побеждает лишь временно. Потому что попрана человечность в самой «победительнице». Потому что само зло показано как человеческое несчастье. Это сложный узел. «Глаза комедии и трагедии»,— вспоминает об исполнении Раневской сценарист «Мечты» Е. Габрилович.

В спектакле «Лисички» по пьесе Л. Хеллман Раневская показала нам другую бессмысленно погибшую душу. Берди — одна из немногих лирических ролей актрисы. Здесь образ героини светел, чист и наполнен нежным состраданием — это жертва.

А в наши дни и в нынешнем театральном сезоне Раневская выходит на сцену театра имени Моссовета в образе странной миссис Сэвидж, чем-то щемяще похожей на Берди. Но и совсем иной. И дело здесь не в том, что новая героиня удачливее и, быть может, благополучнее прежней, дело не в том, что в чуть легковесной пьесе Джона Патрика «по очкам» выигрывает добро... А в том, что с вершины своего жизненного и актерского опыта, свободно расширяя формальные границы сюжета, Раневская показывает победу человека, его духа, его совести, победу странной миссис Сэвидж — вне зависимости от исхода истории, вне зависимости от угрозы власть имущих пасынков (прежних «лисичек», погубивших Берди), вне зависимости от внешнего перевеса добра и зла.

Роза Скороход — Берди — миссис Сэвидж.

В сегодняшней работе Ф. Г. Раневской человек побеждает так же определенно и ясно, как проиграл он в 40-м в «Мечте». И в этом видятся не случайные грани актерской биографии.

Это движение к торжеству человека, в преодолении зла стоит за всем творчеством народной артистки СССР Фаины Георгиевны Раневской. В нем выражается позиция художника. Его главная тема. Его взгляд на жизнь.

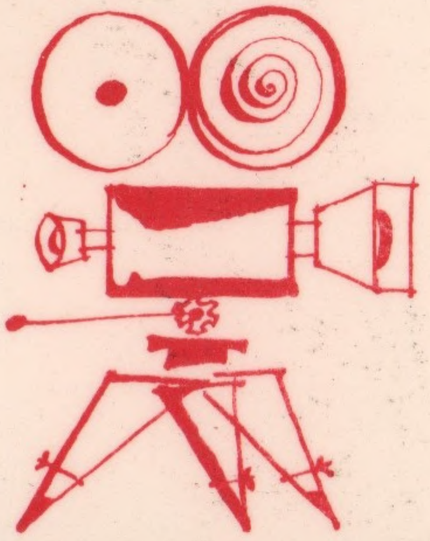

РАНЕВСКАЯ

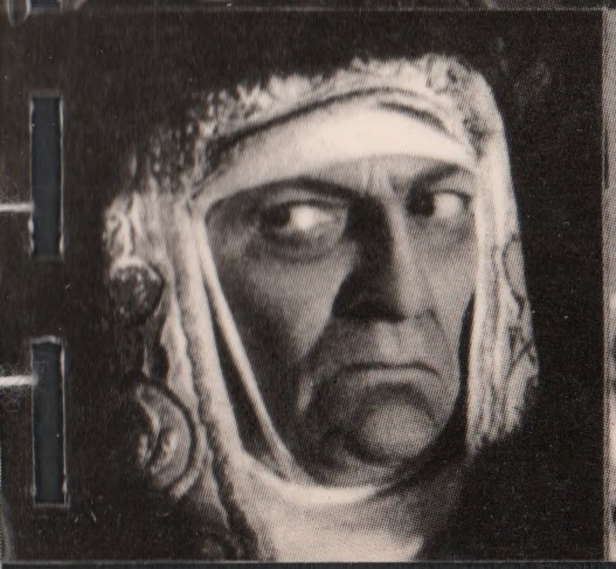
На звуковой странице: истинное происшествие, рассказанное Фаиной Раневской и Михаилом Яншиным (по фельетону Л. Ленча «Заноза»).

ИЗДАТЕЛЬ: КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

слушайте в номере:

1. Фантазия из семи цифр.
2. Дом 26 по Ельнинской улице в Москве: о счастье.
3. Д. Шостакович. «Октябрь». Фрагмент симфонической поэмы.
4. Баллады с Солнечного берега. Димитр Вылчев — «Ловец жемчуга», Игорь Лученок — «Память сердца», Йосиф Цанков — «Песня моя, любовь моя». Поют лауреаты конкурса Маргарита Димитрова, Йорданка Христова (Болгария), Виктор Вуячич (СССР).
5. Напевы Молдавии. Оркестр народных инструментов «Флуераш». Солисты Петр Захария (най) и Георгий Ешану, дирижер Сергей Лункевич.
6. Пластинка поэта. Расул Рза: «Мне бы только дописать стихотворение...».
7. Мудрое слово Петра и Кирилла.
8. Новые записи мелодий Н. Богословского.
9. Наши премьеры: С. Никитин — «Маленький трубач»; Р. Мануков и В. Сергеев — «Будет жизнь хороша». Поют Е. Камбурова и В. Никулин.
10. Последние песни Аркадия Ильича Островского: «Дожди», «Круги на воде» (стихи И. Кашежевой). Исполняет Э. Хиль.
11. Премии Сопота. Е. Вазовский — «СОС». Поет Гюлли Чохели. Славинский — «Я просто есть». Поет Д. Лерска (Польша).
12. Театр Кругозор. В ролях: Ф. Раневская и М. Яншин.

На первой странице обложки фото Л. Лазарева.

На четвертой странице обложки: Осенний фотоэтюд Н. Рахманова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59

Б 04539. Подп. к печ. 17/X 1967 г. Формат бумаги 84×108 1/16. Усл. п. л. 1,68. Уч. изд. л. 1,4. Тираж 250 000 экз. Зак. 2953. Цена 1 руб.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 1 руб.